Проф. С. Т. Голубевъ.

ОТЗЫВЪ о КНИГѢ

Свящ. Н. Шпачинскаго:

„КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ АРСЕНІЙ МОГИЛЯНСКІЙ

и

СОСТОЯНІЕ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІИ

ВЪ ЕГО ПРАВЛЕНІЕ

(1757—1770 гг.).“—(Кіевъ, 1907 г.).

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА,
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго вѣдомства.
1909.

Главная цѣнность разсматриваемаго сочиненія заключается въ его *широкой документальности.* При своемъ изслѣдованіи отцу Шпачинскому „пришлось обратиться“, какъ и подобало, къ сырому, архивному матеріалу и на основаніи его восполнять существующія свѣдѣнія, какъ о дѣятельности Арсенія Могилянскаго на разныхъ поприщахъ его служенія, преимущественно въ санѣ кіевскаго митрополита, такъ и о состояніи кіевской митрополіи во время его управленія ею, а отчасти и о состояніи Троицко-Сергіевой лавры и Переславской епархіи, въ первой изъ коихъ онъ былъ настоятелемъ, а во второй—архіепископомъ. Труды автора въ данномъ направленіи были очень усердны: онъ подолгу работалъ въ архивахъ *кіевскихъ* (Кіево-Печерской лавры, Выдубицкаго монастыря, Кіево-Софійскаго собора, Кіевской консисторіи, Кіевской духовной академіи), *московскихъ* (Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Министерства Юстиціи) и *петербургскихъ* (при Св. Синодѣ). Разумѣется, нельзя сказать, что о. Шпачинскимъ осмотрѣны всѣ архивы, гдѣ онъ могъ бы найти нужныя для него свѣдѣнія (напр., въ Государственномъ Архивѣ); нельзя сказать и того, что и осмотрѣнные архивы использованы имъ для своей цѣли вполнѣ. Но кто знаетъ, сколь пространное море представляютъ собою архивные матеріалы за разсматриваемое время (18-е столѣтіе), тотъ не можетъ поставить указанный дефектъ въ особенную вину нашему автору. Наука движется совокупными усиліями тружениковъ, и въ ряду этихъ тружениковъ отцу Шпачинскому (поколику дѣло касается избранной имъ для изслѣдованія темы) должно быть отведено почетное мѣсто.

Немало труда положено авторомъ и на изученіе собраннаго обширнаго матеріала, который имъ надлежаще разсортированъ и, согласно намѣченному плану, въ достаточно стройномъ порядкѣ изложенъ (приведенъ въ систему).

Это положительныя стороны разсматриваемаго нами труда.

Къ слабымъ же его сторонамъ (кромѣ нѣкоторыхъ недосмотровъ при изученіи собранныхъ матеріаловъ) должно отнести: *не всегда вѣр-*

ное освѣщеніе тѣхъ или иныхъ событій и замѣчаемая по мѣстамъ *ограниченность историческаго кругозора.*

Оба эти недостатка, полагаемъ, находятся въ тѣсной связи съ тѣми условіями, при которыхъ созидалась авторомъ его работа.

Отецъ Шпачинскій—давній питомецъ Кіевской духовной академіи и разсматриваемое сочиненіе есть, благодаря многолѣтнимъ трудамъ, значительно дополненная и значительно усовершенствованная его кандидатская диссертація, въ новомъ своемъ видѣ признанная за диссертацію магистерскую.

Въ нашей же академіи (не знаемъ, какъ въ другихъ) издавна укоренился слѣдующій нелѣпый обычай.

Предъ началомъ учебнаго года наставники академіи представляютъ въ Совѣтъ по нѣскольку темъ (по-три, по-четыре) для кандидатскихъ сочиненій IV курса. Такъ какъ Совѣтъ требуетъ, чтобы на одну и ту же тему не писали два студента (а тѣмъ болѣе три или четыре), а между тѣмъ на нѣкоторыя темы охотниковъ находится много, то среди студентовъ возникали и возникаютъ споры изъ-за темъ. Споры эти обычно рѣшаются *жребіемъ*. Понятно безъ объясненій, какія отсюда происходятъ нежелательныя послѣдствія. Нерѣдко случается, что студентъ, расположенный работать по Св. Писанію, выпуждается жребіемъ писать диссертацію по другому предмету, напр., Исторіи,—и наоборотъ. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда студенту удается получить работу по излюбленному предмету, онъ, будучи связанъ одною, ранѣе указанною темою, не всегда бываетъ въ курсѣ дѣла, Въ особенности это должно сказать о темахъ, относящихся къ исторіи западно-русской церкви, такъ какъ эта исторія не имѣетъ въ академіи самостоятельной каѳедры.

Правда, по пословицѣ, *терпѣніе и трудъ все перетрутъ*. Качествами же этими, какъ извѣстно, питомцы нашихъ духовно-учебныхъ заведеній искони отличаются. Поэтому не удивительно, что и при указанныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ нѣкоторые студенты нашей академіи изготовляютъ хорошія кандидатскія диссертаціи и еще лучшія магистерскія. Тѣмъ не менѣе означенныя условія замѣтно отражаются почти на всѣхъ даже очень хорошихъ сочиненіяхъ нашихъ питомцевъ (я имѣю въ виду сочиненія по исторіи западно-русской церкви),—отражаются, если можно такъ выразиться, *въ недостаточной прикрѣпленности трактуемыхъ въ нихъ предметовъ къ исторической почвѣ*, или—точнѣе—въ *недостаточности* и *узкости* этой почвы. Обычно, авторъ, взявшись за разработку темы *случайной* (а не имъ самимъ вынесенной, не вызванной его познаніями по тѣмъ или инымъ вопросамъ), свои работы начинаетъ ощупью, причемъ обращаетъ исключительное вниманіе только на *непосредственно относящееся* къ темѣ, мало углубляясь въ области, соприкасающіяся съ нею, какъ ему недостаточно вѣдомыя. Результатомъ сего, въ подобныхъ, иногда даже

очень хорошихъ сочиненіяхъ, и является *недостаточность исторической перспективы*.

Послѣ этихъ общихъ разсужденій, навѣянныхъ отчасти книгою отца Шпачинскаго, обращаемся къ ознакомленію съ нею.

Книга начинается небольшимъ предисловіемъ. Здѣсь указывается задача труда автора—обозрѣть жизнь и дѣятельность митрополита Арсенія Могилянскаго до поступленія его на кіевскую митрополію и изслѣдовать, въ какомъ состояніи находилась эта митрополія (въ XVIII вѣкѣ являющаяся съ характеромъ института епархіи) во время управленія ею сего іерарха,—а именно показать, каковы были предѣлы и границы митрополіи, ея организація. устройство церквей, въ какомъ положеніи находились монастыри, приходское духовенство, академія; какія заявленія о своихъ нуждахъ представлены были кіевскою епархіею въ комиссію Уложенія; въ какихъ отношеніяхъ къ кіевской митрополіи находились въ данное время монастыри заграничные и т. п.—Затѣмъ перечисляются источники и пособія, которыми пользовался авторъ. О нихъ слѣдовало бы сказать подробнѣе, чѣмъ дѣлается о. Шпачинскимъ.—Предисловіе заканчивается странною до наивности просьбою къ читателямъ *„быть снисходительными къ обилію цитатъ и ссылокъ въ сочиненіи“*. Читатели обычно сѣтуютъ на недостатокъ цитатъ, *требуемыхъ сущностію дѣла*,—а отнюдь не на ихъ изобиліе. Иногда (и притомъ не рѣдко) они будутъ сѣтовать и на нашего автора, такъ какъ нѣкоторыя мѣста его книги (см., наприм., обширное примѣчаніе на стр. 132—133, стр. 207 и др.) очень нуждаются въ ссылкахъ на документы.

Самое изслѣдованіе состоитъ изъ десяти главъ.

Въ первой главѣ трактуется *о жизни и дѣятельности Арсенія Могилянскаго до назначенія его на кіевскую каѳедру*.—именно, говорится объ его происхожденіи и первоначальномъ воспитаніи; поступленіи въ Кіевскую академію; переходѣ въ Харьковскій коллегіумъ; вызовѣ, по окончаніи здѣсь курса, для преподаванія въ Тверскую семинарію; переходѣ на службу въ Московскую академію; постриженіи въ монашество и переходѣ въ Троицкую семинарію; о назначеніи придворнымъ проповѣдникомъ и быстрой служебной карьерѣ Арсенія—возведеніи въ званіе архимандрита Троицко-Сергіевой лавры, назначеніи членомъ Св. Синода и посвященіи въ санъ архіепископа Переславля Залѣсскаго, съ сохраненіемъ настоятельства въ лаврѣ; объ его дѣятельности въ это время; наконецъ, увольненіи на покой и переѣздѣ въ назначенный для пребыванія Новгородъ-Сѣверскій монастырь.

Авторъ тщательно собралъ печатныя и рукописныя данныя для этого періода жизни и дѣятельности Арсенія Могилянскаго и значительно восполнилъ, а иныя исправилъ обращающіяся въ литературѣ объ этомъ свѣдѣнія. Наибольшую цѣнность имѣютъ свѣдѣнія, относящіяся ко времени настоятельства Арсенія въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Но историческое освѣщеніе нѣкоторыхъ фактовъ (событій) изъ жизни Ар-

сенія Могилянскаго можетъ быть иное, чѣмъ какое дается о. Шпачинскимъ.

Остановимся на самомъ главномъ въ жизни Арсенія за указанное время.

Это главное—необычно быстрая его карьера.

Отецъ Шпачинскій объясняетъ возвышеніе Арсенія вниманіемъ къ нему императрицы Елизаветы Петровны, какъ къ „весьма краснорѣчивому проповѣднику", каковыхъ проповѣдниковъ „императрица весьма любила и отличала".

Но Арсенія Могилянскаго нельзя назвать выдающимся проповѣдникомъ, какъ это можно видѣть даже изъ тѣхъ образцовъ его витійствованія, которые приводятся нашимъ авторомъ (стр. 22—28). Это первое. А затѣмъ, какъ бы не преувеличивать „проповѣдническія дарованія и ораторскіе пріемы" Арсенія Могилянскаго, едва ли они могутъ быть поставлены *въ какой-либо уровень* съ тѣми милостями, какими осыпаемъ былъ императрицею проповѣдникъ.

Для наглядности сгруппируемъ во едино нѣкоторыя изъ этихъ милостей, свѣдѣнія о которыхъ разсѣяны отцемъ Шпачинскимъ по разнымъ мѣстамъ его сочиненія.

10 октября 1742 года Елизавета Петровна приказала іеродіакона Арсенія Могилянскаго «произвести 17 октября въ придворной церкви въ іеромонахи»; около этого времени онъ назначенъ былъ и *придворнымъ проповѣдникомъ*.

11 января 1744 года Арсеній назначенъ былъ *ректоромъ Троицкой семинаріи и архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря*, въ каковой санъ онъ и былъ посвященъ 29 числа того же мѣсяца.

8 февраля того же года императрица назначила Арсенія *членомъ Св. Синода*.

8 іюня того же 1744 года она приказала посвятить его въ санъ *архіепископа Переславля Залѣсскаго*, для чего возстановлена была эта считавшаяся уже упраздненною епархія. При этомъ Троицкій Сергіевъ монастырь оставленъ былъ въ вѣдѣніи Арсенія и тогда же переименованъ въ Троице-Сергіеву лавру.

Замѣтимъ, что новопоставленному архіепископу въ это время было только 33 года.

Такъ какъ въ качествѣ члена Св. Синода Арсенію большею частію приходилось жить въ Петербургѣ, то по его *словесному докладу въ Зимнемъ дворцѣ* Елизавета Петровна 17 февраля 1746 года *изустнымъ указомъ* Св. Синоду велѣла епископу Сераціону быть епископомъ Можайскимъ и Волоколамскимъ и коадъюторомъ Переславской епархіи.

Одновременно съ быстрыми служебными повышеніями Арсенія Могилянскаго увеличивались и его матеріальныя средства. Разумѣется, это явленіе обычное. Но къ этому обычному присоединялось много и

необычнаго, что исключительно зависѣло отъ расположенія къ Арсенію государыни.

Очень богатый Переславскій Горицкій монастырь со всѣми его доходами, денежными и хлѣбными, отданный для содержанія Арсенію Могилянскому, какъ архіепископу, освобожденъ былъ *отъ всякаго рода казенныхъ повинностей* (исключенъ изъ вѣдомства Коллегіи Экономіи).

Троице-Сергіева лавра была въ данное время своего рода митрополіей, къ которой приписано было до 15 монастырей и во владѣніи которой были многія села, деревни, приселки и разнаго рода угодья. Однихъ селъ за лаврой числилось до 80, крестьянскихъ душъ около 100,000.

8 іюня 1744 года именнымъ императорскимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, Елизавета Петровна повелѣла, *не въ примѣръ прочимъ монастырямъ*, Троицкой-Сергіевой лаврѣ на всѣ приписные монастыри и вотчины..... для неподвижнаго впредь сей лаврѣ владѣнія, сочинить жалованную грамоту въ подтвержденіе прежнихъ. (О важномъ значеніи для лавры этой грамоты см. у о. Шпачинскаго стр. 69 и слѣд.).

Въ томъ же году, въ *бытность государыни въ лаврѣ*, по ходатайству Арсенія, повелѣно было: 1) дозволить вывозъ въ лавру изъ Малой Россіи *трехъ тысячъ всѣверъ вина безпошлинно*, или, вмѣсто того, покупать въ Великороссіи по подрядной цѣнѣ *безъ прибыльныхъ въ казну;* 2) убавочные у монаховъ и приказчичьи половинные деньги (которыхъ собиралось въ Коллегіи Экономіи до 1460 рублей, на наши деньги около $11^1/_2$ тысячъ) изъ лавры не брать, а давать ихъ на аптеку и семинарію, а также *не посылать отставныхъ офицеровъ для пропитанія къ лаврѣ;* 3) оставить въ пользу монастыря мельницы Вору и Ратову, не взимать недоимокъ и вовсе исключить мельницы изъ оклада и т. д. (стр. 72—73).

Все это пожаловано лаврѣ *„не въ образецъ прочимъ монастырямъ“*.

Щедро осыпаемъ былъ милостями и самъ Арсеній Могилянскій на первыхъ порахъ своей необычайной карьеры. Въ 1744 году ему пожалованъ былъ алмазный, перемѣшанный съ рубинами, окруженный вензелевыми буквами государыни, наперстный крестъ. 25 ноября того же года государыня пожаловала его митрою („шапкою“), низанною жемчугомъ, украшенною брилліантами, яхонтами, съ надписью дарительницы. Вѣроятно около же этого времени пожалована была Арсенію Могилянскому осыпанная брилліантами, алмазами и рубинами панагія. На задней сторонѣ ея подвѣски былъ портретъ Елизаветы Петровны и ея вензелевое изображеніе. Стоимость этой панагіи въ то время достигала 60,000 рублей (въ переводѣ на нашъ счетъ около полумилліона руб.).

Одаряла государыня Арсенія Могилянскаго и прямо деньгами (червонцами).

Набожность Елизаветы Петровны и ея щедрыя пожертвованія духовнымъ учрежденіямъ и духовнымъ лицамъ хорошо извѣстны. Тѣмъ не менѣе ея милости Арсенію Могилянскому представляютъ нѣчто изъ ряда вонъ выходящее и не могутъ не бросаться въ глаза. Бросались они въ глаза и современникамъ, возбуждая разные толки. На диспутѣ оффиціальнымъ оппонентомъ указано было отцу Шпачинскому одно, оставшееся ему неизвѣстнымъ, судебное дѣло, возникшее по поводу распространяемыхъ слуховъ объ интимныхъ отношеніяхъ между Елизаветою Петровною и Арсеніемъ Могилянскимъ. Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно. Оппонентъ полагалъ, что все это *сплетня*. Положимъ. Но вопросъ заключается въ томъ, не было ли въ этой сплетнѣ нѣкоего правдоподобія, а главное не отразилась ли эта сплетня (возбужденные ею въ обществѣ толки) на судьбѣ осыпаннаго милостями государыни Арсенія?

Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ обстоятельствами, при которыхъ состоялось увольненіе Арсенія Могилянскаго на покой.

Отецъ Шпачинскій представляетъ дѣло этого увольненія такъ: „Неустанные труды—говоритъ онъ—по обязанностямъ члена Св. Синода и неусыпное рвеніе въ трудахъ проповѣдническихъ сильно ослабили здоровье архипастыря Арсенія". Исключительно этимъ обстоятельствомъ, ослабленіемъ здоровья, нашъ авторъ и объясняетъ перерывъ въ служебной карьерѣ означеннаго іерарха.

Мы позволимъ себѣ освѣтить дѣло съ иной стороны.

Мы видѣли, что нѣкоторыя, благоволительныя къ Арсенію распоряженія государыни дѣлались *по словесному его ей докладу* въ Зимнемъ дворцѣ и сообщались Св. Синоду изустнымъ указомъ, т. е., уповательно, *черезъ самого же докладчика*. Въ данномъ же случаѣ дѣло обстояло такъ. Государыня *черезъ своего духовника*, протоіерея Дубянскаго, повелѣла, чтобы Арсеній *„за болѣзнію успокоилъ себя отъ занятій въ Синодѣ, по епархіи и отъ домовыхъ дѣлъ на 6 мѣсяцевъ"*. Отдыхъ Арсенія продолжался съ мая по декабрь 1751 года. Въ концѣ сего года онъ снова принялся за дѣла; но весною 1752 года государыня совсѣмъ уже уволила и архіепископа Арсенія и архимандрита Троицкой лавры, *по его прошенію, за болѣзнію*, отъ присутствія въ св. Синодѣ и управленія епархіей и лаврой и опредѣлила ему для пребыванія Новгородъ-Сѣверскій монастырь, причемъ кромѣ сего монастыря, Арсенію *предписано было не вмѣшиваться ни въ какія сторонніе дѣла.*

По мнѣнію о. Шпачинскаго отъѣздъ Арсенія Могилянскаго изъ Троицкой лавры былъ обставленъ очень почетно. Ему дозволено было взять архіерейскую ризницу и все потребное для поѣздки (на сумму до 6000 руб.), подарено около 3000 рублей денегъ, взятыхъ Арсеніемъ въ прежніе годы изъ монастырскихъ суммъ, и т. п. Все это такъ; но *главное*, обращающее на себя вниманіе при означенномъ отъѣздѣ, заключается въ томъ, что знаменитую панагію, подаренную Елизаветою Петровною лично Арсенію Могилянскому, онъ долженъ былъ оставить

въ лаврѣ. Отецъ Шпачинскій, основываясь на оффиціальномъ документѣ, видитъ въ этомъ подарокъ лаврѣ со стороны Арсенія: онъ просилъ государыню дозволить ему отдать въ лавру на вѣчныя времена панагію и получилъ на это разрѣшеніе. Но иное въ документахъ (подобно тому, какъ и въ Св. Писаніи) можетъ быть понимаемо буквально, а иное нуждается въ комментаріяхъ. Послѣднія не излишни и въ данномъ случаѣ.

Отецъ Шпачинскій пишетъ, что Арсеній при отбытіи изъ Троицкой лавры взялъ съ собою изъ ея ризницы двѣ панагіи—одну алмазную, звѣздой, на золотой цѣпи, пожалованную императрицей Анной Іоанновной архимандриту Варлааму, и другую, тоже алмазную, съ образомъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Относительно этихъ панагій *дано имъ письменное обязательство*, что онѣ будутъ находиться во временномъ пользованіи и послѣ его смерти непремѣнно будутъ возвращены въ лавру.

Имѣя свою прекрасную панагію, лично ему государынею подаренную, *для чего* Арсенію нужно было входить въ означенную сдѣлку съ лаврою (на что, разумѣется, требовалось разрѣшеніе и свыше)? Желая подарить свою панагію лаврѣ, *почему* Арсеній, заявивъ объ этомъ кому надлежало, не оставилъ ее во временномъ, своемъ пользованіи? Послѣднее представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что панагія имѣла, какъ мы сказали, на задней сторонѣ ея подвѣски *портретъ Елизаветы Петровны*, чѣмъ Арсеній долженъ былъ очень дорожить, ибо въ одномъ изъ писемъ, благодаря государынню за денежный подарокъ—червонцы, онъ заявляетъ, что цѣнитъ подарокъ не по его стоимости (такъ какъ, благодаря щедротамъ государыни, не имѣетъ недостатка въ средствахъ), а потому, что на немъ находится ея изображеніе, которое онъ благоговѣйно созерцаетъ....

Эти *для чего* и *почему*, въ связи съ вышеуказанными данными, даютъ основаніе для иного освѣщенія трактуемыхъ вопросовъ, чѣмъ какое находится у нашего автора.

Свѣдѣній о пребываніи Арсенія Могилянскаго въ отдаленномъ отъ Петербурга Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ не сохранилось никакихъ, или почти никакихъ. Время это было для Арсенія, по словамъ отца Шпачинскаго, „отдыхомъ передъ другимъ важнымъ дѣломъ служенія на древне православной и великой каѳедрѣ Кіевской“. Назначеніе Арсенія на эту каѳедру состоялось 22 октября 1757 года, причемъ бывшій дотолѣ кіевскимъ митрополитомъ Тимоѳей Щербацкій, перемѣщенъ былъ на праздную каѳедру Московскую, каковое перемѣщеніе предположено было еще въ 1754 году. Послѣднее обстоятельство даетъ поводъ нашему автору къ догадкѣ, что Елизавета Петровна еще тогда (т. е. въ 1754 году) рѣшила предоставить Арсенію Могилянскому кіевскую митрополію и только ожидала того времени, когда онъ оправится отъ своихъ немощей.

Вообще о. Шпачинскій не сомнѣвается въ слабости здоровья Арсенія Могилянскаго (для чего, впрочемъ, если имѣть въ виду *послѣдніе годы* жизни сего іерарха, имѣетъ основаніе), хотя сильно сомнѣвается въ искренности заявленій Тимоѳея Щербацкаго, просившагося на покой въ Выдубицкій монастырь по такой же слабости здоровья. Но все это догадки. Несомнѣнно же то, что Арсеній Могилянскій очень *тяготился* своимъ покоемъ и потому *очень обрадованъ былъ* своимъ назначеніемъ на кіевскую каѳедру, что и выразилъ въ своихъ письмахъ къ наслѣднику престола, синодальному оберъ-прокурору и другимъ лицамъ.

Рѣчами о назначеніи Арсенія Могилянскаго кіевскимъ митрополитомъ и о первыхъ его распоряженіяхъ до переѣзда въ Кіевъ, а затѣмъ по переѣздѣ—и начинается II глава книги о. Шпачинскаго; послѣ чего идутъ краткія свѣдѣнія о предѣлахъ кіевской митрополіи, числѣ въ ней протопопій, церквей и монастырей; глава оканчивается изложеніемъ попытокъ Арсенія имѣть себѣ помощника въ лицѣ викарія, каковыя попытки не увѣнчались успѣхомъ по винѣ самого Арсенія, не желавшаго видѣть въ лицѣ викарія человѣка энергичнаго, каковымъ былъ предназначенный для этого мѣста архимандритъ и ректоръ Заиконо-спасскаго монастыря Гедеонъ Слонимскій [1]).

Эта небольшая глава (87—114 стр.) составлена съ привнесеніемъ новаго матеріала. Рѣзкимъ диссонансомъ въ ней являются не разъ повторяемыя рѣчи о давнихъ ставропигіальныхъ правахъ Кіево-печерской лавры на основаніи преслоутой грамоты Андрея Боголюбскаго 1159 года. *Но уже давно подложность этой грамоты признается всѣми.* Въ I томѣ своего сочиненія: «Петръ Могила и его сподвижники» (стр. 254--255) нами отмѣченъ любопытный фактъ, что означенная грамота очень обстоятельно была разобрана и достовѣрность ея была опровергнута еще въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія однимъ изъ ученыхъ, принадлежавшихъ къ кіевской академической корпораціи. Это опроверженіе подъ заглавіемъ: *„Показаніе винъ коихъ ради данная будто 6667 года отъ князя якобы кіевскаго Андрея Китая Кіево-печерской лаврѣ грамота признается за измышленную“*,—находится въ архивѣ Кіево-Выдубицкаго монастыря.

Въ III главѣ (115—180 стр.) трактуется *объ управленіи Кіевской епархіи.*

---

[1]) Отецъ Шпачинскій говоритъ, что митрополитъ Арсеній не желалъ имѣть Слонимскаго своимъ викаріемъ; но онъ (что слѣдуетъ *подчеркнуть*) не желалъ имѣть его и настоятелемъ Пустынно-Никольскаго монастыря, о чемъ свидѣтельствуютъ письма Арсенія къ синодальнымъ членамъ: *Гаврилу Кременецкому*, архіепископу С.-Петербургскому (писалъ дважды), *Димитрію Сѣченову*, митрополиту новгородскому, *Аѳанасію Волховскому*, епископу Ростовскому, и архимандриту Троице-Сергіевой лавры Хоцятовскому („Въ академіи моей Кіевской—писалъ митрополитъ Арсеній—имѣются довольно въ школьномъ ученіи трудившіяся достойніи и угодніи въ служеніе мнѣ... точію по достоинству ихъ въ награжденіе за ихъ труды нѣтъ имъ здѣсь мѣста“).

Органы этого управленія подраздѣлялись на главные и второстепенные. Первые находились при самой каѳедрѣ, это были: а) *Кіевская каѳедральная контора* и б) *Кіевская Консисторія*. Вторые представляли изъ себя помѣстныя учрежденія, стоявшія во главѣ отдѣльнаго округа, большаго или меньшаго объема, въ зависимости отъ того, какая компетенція управленія и суда имъ принадлежала. При этомъ помѣстными органами въ однихъ мѣстахъ являлись отдѣльныя лица, въ другихъ—корпораціи, стоявшія во главѣ управленія,—именно, въ первомъ случаѣ: 1) *митрополичьи намѣстники*, 2) *протопопы*, 3) *окружные намѣстники*; во второмъ: 1) *монастырскія правленія*, 2) *протопопскія* или *духовныя правленія*.

О всѣхъ этихъ органахъ епархіальнаго управленія и ведутся авторомъ болѣе или менѣе обстоятельныя рѣчи въ указанномъ порядкѣ.

Отецъ Шпачинскій имѣлъ хорошаго предшественника по многимъ трактуемымъ въ разсматриваемой главѣ предметамъ въ лицѣ Е. М. Крыжановскаго, цѣнныя статьи котораго (о Кіевской консисторіи и другія), составленныя на основаніи рукописнаго матеріала, печатались въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» за 1861—1864 г.г. (вошли въ I т. Собранія его сочиненій). Но не мало свѣдѣній, на основаніи того же архивнаго матеріала, привнесено и нашимъ авторомъ. Въ общемъ картина получается цѣльная, хотя она, при болѣе внимательномъ отношеніи автора къ имѣвшимся у него подъ руками даннымъ, могла бы быть не незначительно расширена. Такъ напр., изъ дававшихся на протопопіи грамотъ (которыхъ въ копіяхъ въ кіевскомъ консисторскомъ архивѣ сохранилось достаточное количество) можно заключать, что протопопы вели себя очень горделиво и были попытки съ ихъ стороны усвоять себѣ прерогативы при богослуженіи, церковнымъ уставомъ не допускаемыя, вслѣдствіе чего, очевидно, въ означенныя грамоты и включалось требованіе, чтобы они «*не дерзали ничтожъ ино въ чинѣхъ и служеніяхъ вящшее прочихъ іереевъ творити*». А въ чемъ заключалось это вящшее, это видно изъ слѣдующихъ наставленій протопопамъ въ ихъ грамотахъ: «въ неже кто призванъ, въ томъ да пребываетъ предъ Богомъ и *не преступаетъ предѣловъ*, яже положиша святіи отцы; да не услышитъ: что имаши, его же не пріялъ? Тѣмъ же, *протопресвитеръ литургисающій* (аще и не сущу архіерею) *долженствуетъ купно* (съ сослужащими іереями) *на великій входъ исходити*, яко преданіе и чинъ содержитъ святая восточная церковь; причащатися тѣла и крове Христовы, яко же кійждо литургисаяй іерей (не сущу архіерею), *а прочіимъ іереемъ сослужащимъ тѣла и крове Христовы не преподавати* (изъ грамоты на глуховскую протопопію Корнилію Юзефовичу, выданной изъ Кіев. каѳедры 26 января 1764 г., за № 31).

Возможны и детальныя дополненія и поправки къ сообщаемымъ авторомъ свѣдѣніямъ, такъ какъ—о чемъ сказано въ началѣ рецензіи—

и осмотрѣнные о. Шпачинскимъ архивы, даже кіевскіе, не вполнѣ имъ исчерпаны.

Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ хотя одинъ примѣръ.

На стр. 122 авторъ говоритъ: „При выдачѣ антиминсовъ каѳедра взимала деньги, смотря по тому, изъ какого матеріала сдѣланъ антиминсъ: за шелковый („матеріальный“) антиминсъ уплачивалось *4 рубля*, за полотняный („голындерскаго полотна“) *по 2 руб. 50 коп.* или 1 р. 50 к. (2 р. 50 к. за антиминсъ голландскаго полотна, а 1 р 50 к. московскаго „ивановскаго“).

Единственный указываемый авторомъ документъ, откуда имъ заимствуются означенныя свѣдѣнія—хранящаяся въ Архивѣ Кіевской консисторіи вѣдомость о сборахъ, сочиненная *въ 1770 году* реентомъ Самойловичемъ.

Но эта вѣдомость, составленная въ годъ кончины митрополита Арсенія Могилянскаго († 8 іюня 1770 г.) не обнимаетъ затронутаго вопроса за все время его управленія кіевскою митрополіею.

Плата за антиминсы въ первые годы управленія митрополіею Арсенія была иная, чѣмъ за послѣдніе. Именно до 1762 года она взималась (какъ и при предшественникѣ Арсенія Тимоѳеѣ Щербацкомъ) въ слѣдующемъ размѣрѣ: за матеріальные антиминсы по *три рубля*, а за полотняные *по два*. Указываемая о Шпачинскимъ плата начала взиматься только съ 1762 года. Причиною къ возвышенію платы послужило то обстоятельство, что заграничныя церкви, по своей крайней бѣдности, не въ состояніи были вносить деньги въ кіевскую каѳедру и имъ антиминсы стали выдаваться безплатно. (*Въ 1761 году* „въ архимандрію слуцкую“ отпущено было безденежно 11 полотняныхъ антиминсовъ). Брать болѣе указанной возвышенной платы за антиминсы митрополитомъ Арсеніемъ было воспрещено, какъ это видно изъ слѣдующей его резолюціи на одномъ изъ отчетовъ „объ отпущенныхъ“ антиминсахъ: „1763 года, декабря 23. По сему и впредь отпущать (т. е. по 4 р. и 2 р. 50 к.), и то въ разсужденіи сего, что антиминсы и муро въ заграничніи церкви отпущаются нынѣ безденежно и дворового числа отъ ставленниковъ ничто не берется“.

Я для иллюстраціи недосмотровъ отца Шпачинскаго остановился на приведенной детали потому, что въ особенности *объ антиминсахъ* (поколику дѣло касается *хозяйственной стороны*) имѣются самыя обстоятельныя, бывшія автору доступными, свѣдѣнія,—свѣдѣнія о томъ, за какую цѣну въ тѣ или иные годы покупались для антиминсовъ матерія и полотно, во что обходилась стоимость каждаго антиминса, сколько въ годъ ихъ освящалось, сколько отпускалось и т. д. и т. д. включительно до обозначенія „презентовъ отцу типографу“ („вина сулея“, „водки сулея“ „винневки сулея“) и послушникамъ печатальщикамъ („сало“, „пшена мѣхъ“ „сивухи ведеръ пять“ и т. п.).

Авторъ заканчиваетъ разсматриваемую главу общею характеристикою епархіальнаго управленія при митроп. Арсеніи Могилянскомъ,

при чемъ находитъ, что, не смотря на слабыя стороны, общія многимъ другимъ епархіямъ, оно все-таки въ данное время отличалось стройностью и разумностью. „Митрополитъ Арсеній (говоритъ авторъ), —по справедливости сказать, — постарался бывшія до него учрежденія епархіальнаго управленія утвердить прочно, каждому указать опредѣленный кругъ обязанностей, и требовалъ отъ нихъ исполненія этихъ обязанностей. Онъ старался облегчить все дѣлопроизводство, устранить волокиту, заставить всѣхъ трудиться".

Эти рѣчи автора мы считаемъ значительно приподнятыми.

Отецъ Шпачинскій упустилъ изъ вида характерную черту административной дѣятельности Арсенія Могилянскаго, красною нитью проходящую чрезъ всѣ періоды этой дѣятельности, какъ до поступленія его на кіевскую митрополію, такъ и по вступленіи на нее. Это—*стремленіе къ преумноженію средствъ* находившихся подъ его вѣдѣніемъ учрежденій и—не разлучно связанная съ нимъ—экономія, бережливость, урѣзываніе необходимыхъ расходовъ. Что Арсеній Могилянскій былъ очень требователенъ къ своимъ подчиненнымъ — это справедливо; но исполнительности со стороны ихъ онъ старался достигнуть или мѣрами строгости, или обѣщаніемъ награды въ будущемъ, или, всего чаще, душеспасительными словами, увѣщевая трудиться „Господа ради". Многія изъ его резолюцій на эту тему отличаются большимъ краснорѣчіемъ. Но на раціонально-практическую почву дѣло упорядоченія епархіальнаго управленія (въ особенности по отношенію къ судебной и канцелярской волокитѣ) имъ не было поставлено. Самъ отецъ Шпачинскій признаетъ, что *со вступленіемъ на кіевскую митрополію Арсенія Могилянскаго содержаніе канцелярістовъ* (дотолѣ, по мнѣнію о. Шпачинскаго *сносное*, а по нашему *нищенское*) *ухудшается* (стр. 153).

При такой постановкѣ дѣла, какое значеніе могли имѣть строгія распоряженія митрополита о тщательномъ исполненіи канцелярістами возлагавшихся на нихъ обязанностей, къ тому же распоряженія зачастую *сами по себѣ неисполнимыя?* — Разумѣется, можно приказать, напримѣръ, чтобы архиваріусъ „подавалъ примѣръ (подчиненнымъ) въ добромъ житіи и въ исполненіи дѣлъ, чтобы онъ для отдыха имѣлъ только 10-й, 11-й. 12-й, 1-й, 2-й и 3-й часы ночи (sic!), *а все остальное время* слѣдилъ за поступками канцелярістовъ, наблюдалъ за своевременнымъ, въ 6 часовъ, приходомъ ихъ на службу и т. п. (см. стр. 149), разумѣется, все это можно приказать, но не суть-ли такія приказанія кимвалы бряцающіе?

IV глава (181—226 стр.) носитъ не совсѣмъ удачное названіе. *Устройство епархіи и церквей*. Здѣсь ведутся рѣчи о многихъ матеріяхъ, какъ-то: о постройкѣ храмовъ и колоколень; кладбищахъ при нихъ; объ украшеніи храмовъ иконами и мастерскихъ, гдѣ онѣ изготовлялись (причемъ попутно говорится объ иконахъ явленныхъ); о церковной утвари; богослужебныхъ книгахъ; свѣчной продажѣ; о брат-

ствахъ и шпиталяхъ при церквахъ; объ особенностяхъ при совершеніи таинствъ, проповѣдничествѣ и т. п.

Глава эта не принадлежитъ къ лучшимъ въ разсматриваемомъ сочиненіи. Авторъ большею частію съ высоты птичьяго полета бросаетъ взглядъ на трактуемые предметы и, вслѣдствіе этого, многаго не досматриваетъ, а по мѣстамъ ограничивается общими фразами. Такой характеръ носятъ, напр., рѣчи автора о братствахъ, относительно которыхъ ему, очевидно, не удалось найти ни одного документа за разсматриваемое время, хотя они въ кіевскихъ архивахъ въ нѣкоторомъ количествѣ встрѣчаются (напр. въ архивѣ Выдубицкаго монастыря имѣются свѣдѣнія и даже уставъ братства въ мѣстечкѣ Лѣткахъ, вотчинѣ означеннаго монастыря).

Таковы же рѣчи автора и объ особенностяхъ большинства таинствъ.

Для образца приведемъ трактацію автора о таинствѣ покаянія.

„Что касается таинства покаянія и исповѣди,— говоритъ отецъ Шпачинскій,—то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить болѣе внѣшнія обстоятельства, нежели внутреннія, такъ какъ послѣдняя сторона осталась въ тайнѣ и неизвѣстною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ таинство это совершалось съ тою же формальностію и *надменностію* (sic!), какъ и все другое. Оттого-то исповѣдь являлась въ рукахъ священника средствомъ для мщенія и наказанія чѣмъ нибудь провинившихся противъ него прихожанъ. Конечно, это больше относилось къ самимъ священникамъ, чѣмъ къ таинству“ (стр. 207).

И при этомъ ни одной ссылки, ни одного указанія, никакого разъясненія!!!

О таинствѣ елеосвященія у автора одна строка, гдѣ заявляется, что объ немъ (т. е. о какой-либо особенности при совершеніи его) онъ *ничего не встрѣтилъ* (стр. 208).

Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ рукахъ о Шпачинскаго перебывало много грамотъ того времени, выдававшихся священникамъ при ихъ посвященіи. Въ этихъ же грамотахъ вмѣнялось имъ въ обязанность „послѣднее елеомазаніе надъ болящими совершати, *надъ здравыми же никако дерзати творити*“. Подчеркнутыя слова показываютъ, что давній обычай (совершать елеомазаніе и *надъ здоровыми*) перешедшій въ Южную Русь изъ Греціи,—обычай, относительно котораго вынужденъ былъ давать разъясненіе авторъ Лиѳоса при полемикѣ съ Саковичемъ, настолько укоренился здѣсь, что относительно его нужно было упоминаніе въ ставленническихъ грамотахъ.

V глава посвящена историческому очерку монастырей Кіевской епархіи.

Всѣхъ монастырей въ епархіи было 46, въ томъ числѣ мужскихъ 34, женскихъ 12. Ко времени вступленія Арсенія Могилянскаго на кіевскую митрополію (въ 1757 году) въ нихъ числилось монаховъ 729 (въ счетъ не входитъ Кіево-Печерская лавра) и монахинь 592. Эти числа въ разные годы подвергались колебаніямъ, въ зависимости отъ

разныхъ причинъ. Особыхъ штатовъ въ монастыряхъ не было (они введены были въ 1786 году) и число братіи опредѣлялось болѣе или менѣе случайно. Большинство монашествующихъ были малороссіяне, но не мало было выходцевъ изъ Польши (вслѣдствіе гоненій на православіе), Молдавіи и Волошской земли. Менѣе всего было уроженцевъ великорусскихъ епархій. Многіе искали монашества въ видахъ облегченія матеріальной нужды. Требованія для поступленія въ монашество были довольно строгія, хотя отъ нихъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ бывали и отступленія. Въ церковно-общественномъ отношеніи монастыри представляли изъ себя извѣстнаго рода пункты, возлѣ которыхъ сосредоточивались нерѣдко цѣлыя группы или поселенія.

Въ своемъ очеркѣ авторъ сосредоточиваетъ преимущественное вниманіе на порядкахъ монастырскаго управленія, средствахъ содержанія монастырей, ихъ бытѣ и состояніи въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Послѣдняя сторона рисуется авторомъ въ очень мрачномъ видѣ. Разумѣется, нравственность иноковъ въ то время стояла не на высокомъ уровнѣ. Поглощенные заботами *о мірскомъ* (благодаря имущественнымъ хлопотамъ), они часто забывали *о духовномъ*, къ чему призывались своимъ служеніемъ и обязывались обѣтами. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду общую картину, нельзя не замѣтить, что краски на ней распредѣлены о. Шпачинскимъ неравномѣрно, что безъ сомнѣнія зависѣло отъ *односторонности* документовъ, бывшихъ подъ руками у автора (доносы, слѣдственныя дѣла и т. п.) и у другихъ лицъ, трудами которыхъ по данному вопросу онъ пользовался (напр. г. Лазаревскаго).

Авторъ не отрицаетъ, что въ разсматриваемое имъ время могли быть въ кіевскихъ монастыряхъ даже подвижники, но при этомъ не безъ ироніи замѣчаетъ, что *„имена и подвиги ихъ остались неизвѣстными міру, и вѣдомы единому Богу“*. Изъ хорошихъ же монаховъ, стремившихся къ такому подвижничеству, отцу Шпачинскому извѣстенъ *лаврскій инокъ Іеремія*. Но, повидимому, относительно этого, очень—какъ увидимъ—незауряднаго инока нашъ авторъ заблуждается.

Отцу Шпачинскому объ Іереміи извѣстно не много: именно только то, что онъ занимался разными канцелярскими дѣлами въ лаврѣ, „потомъ удалился отъ этихъ дѣлъ на покой въ Китаевскую пустыню“ и, во время пребыванія здѣсь, на него лаврскою братіею воздвигнуто было гоненіе „изъ-за Елифаніева трактирнаго расчету“, по поводу котораго—по словамъ Іереміи—„онъ принужденъ былъ, исполняя лаврское повелѣніе, *подъ именемъ святого послушанія*, дѣлать счеты и забирать съ трактирными кредиторами о долгахъ справки, волочась для того по Кіеву-Подолу и другимъ мѣстамъ, *съ чувствительнымъ въ разсужденіи монашества стыдомъ*“ и т. д. Въ этихъ словахъ, по мнѣнію отца Шпачинскаго, очевидно, *„звучитъ душевное смущеніе искавшаго въ монастырѣ чисто духовной жизни и дѣятельности человѣка“*, ибо „для людей, искавшихъ въ обителяхъ удовлетворенія своимъ высшимъ потреб-

ностямъ духа, желавшихъ аскетическихъ подвиговъ", упомянутыя послушанія казались соблазнительными.

Г. Каманину, помѣстившему почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ книги о. Шпачинскаго статью подъ заглавіемъ: „Плачъ Кіевскаго лаврскаго Іереміи конца XVIII вѣка" (Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. двадцатая, вып. I, 1907 г.),—объ этомъ инокѣ извѣстно нѣсколько болѣе. Извѣстно, изъ показаній Іереміи, что отецъ его служилъ сержантомъ гвардіи, что самъ онъ также находился въ военной службѣ, въ которой оставался до конца прусской войны въ 1763 году, когда получивъ оберъ-офицерскій чинъ, вышелъ въ отставку и поступилъ въ лавру на послушаніе Г. Каманинъ тоже считаетъ Іеремію истиннымъ монахомъ,—„аскетомъ, *который искалъ въ монастырѣ уединенія отъ мірскихъ заботъ и спасенія души*". Но такъ какъ по назначенію Духовнаго собора лавры ему поручено было заняться повѣркой выручки въ лаврскихъ шинкахъ и трактирахъ (между прочимъ счетовъ завѣдывающаго трактиромъ монаха Епифанія), то этимъ „грубо было нарушено религіозное настроеніе Іереміи". Правда, до поры до времени онъ „*терпѣливо несъ свое послушаніе*"; но когда подвергся преслѣдованію отъ гражданскихъ властей Епифаній (за контрабанду вина), а лавра—по его словамъ,—въ этомъ участвовавшая, всю вину сложила на Епифанія и сдѣлала на него нареты, то Іеремія сталъ въ оппозицію противъ лавры и сочинилъ на нее въ стихахъ сатиру, которая съ комментаріями и издана г. Каманинымъ въ упомянутой статьѣ.

И о. Шпачинскиму, и г. Каманину осталось неизвѣстнымъ разсчетное доношеніе Епифанія, изъ-за котораго весь сыръ боръ и загорѣлся. Означенное разсчетное доношеніе, въ связи съ другими данными, даютъ основаніе освѣтить это дѣло съ иной стороны.

Намъ все это дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ.

У лавры былъ богато обставленный трактиръ, находящійся „на Василковскомъ трактѣ".

Завѣдывалъ этимъ трактиромъ монахъ Епифаній. Между нимъ и ведущимъ монастырскіе счеты упомянутымъ Іереміею существовала большая дружба, вѣроятно, на почвѣ собутыльничества. Епифаній проворовался и удаленъ былъ отъ должности. Предстояли ему большія непріятности Въ это время мстителемъ за друга и является Іеремія, человѣкъ, повидимому, образованный и во всякомъ случаѣ хорошо владѣющій перомъ. Онъ составляетъ для Епифанія черновикъ разсчетнаго доношенія лаврѣ, которое тотъ, переписавъ, и подалъ Духовному собору. Но лаврская братія сразу догадалась объ авторѣ доношенія (увидѣла въ немъ „слогъ Іеремінъ"), вслѣдствіе чего Іеремія тоже подвергся опалѣ: удаленъ былъ (а не самъ удалился) въ Китаевскую пустынь. Тогда онъ снялъ забрало и изъ его пера посыпались на лавру сатиры, въ свое время надѣлавшія много скандальнаго шума. Одну изъ этихъ сатиръ въ стихотворной формѣ приводитъ—какъ мы сказали

г.— Каманинъ въ своей статьѣ. Но стихи Іереміи значительно уступаютъ по силѣ и, пожалуй, ядовитости прозѣ, представляемой упомянутымъ разсчетнымъ доношеніемъ отъ имени Епифанія.

Доношеніе это (помѣченное декабремъ 1772 года) довольно велико по объему. Приводимъ изъ него только нѣкоторыя выдержки.

„При перемѣнѣ моей (такъ начинается доношеніе) отъ командованія лаврскимъ Васильковскимъ трактиромъ, въ поданной отъ меня въ Васильковѣ соборному старцу Леонтію о приходахъ вѣдомости, за скоропостижность оной востребованія, запамятовалъ я показать по трактиру нижеслѣдующаго расходу: 1) *Прошлаго 1771 года лѣтнимъ временемъ* взято у меня въ лавру *до келіи пастырской* келейнымъ монахомъ Іонафаномъ аглицкаго пива сто бутыліокъ, каждая цѣною по 52 коп.; итого 52 рубля“ (идетъ перечень другихъ расходовъ всего на сумму 157 руб.)... „А какъ по присланному ко мнѣ нынѣ изъ лавры Святой ордеру значится, что по щету находится на мнѣ лаврскаго долгу съ трактирными прибылями полагаемаго 521 руб. 32 коп., такъ покорнѣйше прошу оные, правилно по трактиру расходи состоящіе 157 руб., изъ той щисляемой на мнѣ лаврской суммы исключить. А за тѣмъ остается на мнѣ начитаемаго трактирнаго долгу 364 руб. 32 коп., которые я и заплатить бы въ лавру долженствовалъ, если бы не потеряны были на воинскихъ и таможенныхъ чинахъ, за набранные ими напитки, трактирные денежные долги, которыхъ число по поданнымъ отъ меня при смѣнѣ реестрамъ состояло 627 р. 88 коп.

(Далѣе говорится, что эти долги были бы не потеряны, если бы онъ, Епифаній, „скоропостижно“ не былъ удаленъ отъ трактира; поэтому вина отъ потери падаетъ на лавру).

„Не давать же трактирныхъ припасовъ въ долги (объясняетъ Епифаній) никакъ было невозможно и нигдѣ, уповательно, не сыскать такого трактирщика, не только въ монахахъ, но и въ мірскихъ, чтобъ все трактировалъ на готовые деньги, а долговъ бы не было; колми паче мнѣ, въ монашескомъ образѣ, Василковскій трактиръ въ военное время и на главномъ армейскомъ трактѣ управляющему, безъ тѣхъ долговъ въ такомъ знаменитомъ трактиоправительствѣ обойтись никакого способу не было; поелику трактирные посѣтители были почтенные оффиціями и по большей части армейскіе, и въ трактирѣ всегда торжествующіе, и въ случаѣ подпилости, а паче какъ войдутъ чрезъ игру біліарную въ азартъ, а денегъ на напитки не достанетъ, и потребуютъ оныхъ въ долгъ,—такъ и за страхъ принуждено было давать, сохраняя свой животъ, какъ свидѣтельствуютъ тогдашную ихъ смѣлость бывшіе трактирщики и трактирный поставецъ, что многократно гоняясь за трактирщиками, въ долгъ давать не хотѣвшими, двери у поставца и самый оный шпагами порубили и покололи; да и я не одинъ разъ принужденъ былъ отъ такихъ случаевъ бѣгомъ спасаться. Однако, доколѣ еще былъ при трактирѣ, тѣ долги безпрекословно платили. По перемѣнѣ же меня съ трактиру..... должники трактирные, видя меня отъ команды

презрѣнна и безъ всякой помощи оставлена, требованій монхъ о тѣхъ долгахъ и слышать уже не хотѣли, но паче еще и укорителную принужденъ былъ принять отъ нихъ срамоту и ругательные насмѣшки: *Ахъ—де монахи Печерскіе! Какъ де они нынѣ стали ревнивы: вмѣсто де святыхъ пещеръ усердствуютъ трактирамъ и біліардамъ; гонясь де за прибылями, свою пристойность позабыли; не послѣднее ли де уже пришло время, что взялись монахи за трактирно бремя; весма де его жалко, что святая ихъ душа здѣлалась соблазномъ для трактирнаго барыша; не трудитесь де, отецъ святой, болше, перестаните огорчать трактирными вашими промыслами, естли де хочете быть цѣлы; намъ де и такъ отъ карантиновъ и отъ ранъ непріятелскихъ тошно.* И что мнѣ тутъ осталось уже дѣлать! Не толко ли защищаться самимъ студомъ, прибѣгая подъ покровъ кроткаго Давида и мысленно съ нимъ глаголя: «Студъ лица моего покры мя, и поношеніе поносящихъ ми нападоша на мя». Но мало мнѣ пособствовала ета святая богословія. Совсѣмъ тѣмъ нѣкоторые съ нихъ дерзкіе хотѣли было для вѣчной трактирной памяти напоить меня *армейскимъ пивомъ*; но человѣколюбіе Божіе предостерегло меня отъ того ихъ дерзскаго предпріятія. Были въ числѣ тѣхъ компанистовъ отличнѣйшіе скромностію и сожалительнѣйшіе, и свободили меня предъ своими товарищами отъ той смертной крайности, извинивъ такими словами: *Вить де онъ не виноватъ, что лавра трактирщикомъ его здѣлала и къ такому позорному пути дверь ему отворила; вить де сіно само не горитъ, когда огня не подложатъ, да и огонь де не виноватъ, что сіно сожжетъ, но вся вина причитается тому, кто съ сѣномъ огонь соединитъ.*

(Далѣе опять слѣдуетъ денежный расчетъ, гдѣ авторъ старается доказать, что въ сущности лавра потеряла мало: «*толко что барыши пропали*»; но объ этой потерѣ сожалѣть много не слѣдуетъ. Святой обители остается только желать, «*чтобъ трактирные и біліарные преисполненые соблазновъ и для монашескаго чина крайне порочныя учрежденія . . . преданы были вѣчному забвенію и не пошли бы въ дальнѣйшую публику*»).

«Но что касается до меня (продолжаетъ Іеремія отъ имени Епифанія), такъ я много сожалѣти долженъ, да и по гробъ мой забыть сего не можно, что я за тѣ потерянные, съ причины лаврской, трактирные барыши невинно подверженъ въ лаврѣ презрѣнію и ненависти, и что не уважается здѣсь той непристойности, которая со мною здѣлана, что будучи я въ лаврѣ Святой Печерской повоначальникомъ еще во монашествѣ, не знаю по какимъ указамъ и регламентамъ или же по святымъ правиламъ, введенъ былъ *въ такіе позорные Бахусовой пещеры десятомысячные подвиги и труды. Дивная по истинѣ вещь! Преподобному Исаакію одно толко въ сей пещерѣ отъ князей тмы искушеніе случилось, а я отъ Бахусовыхъ подражателей въ той ихъ пещерѣ, и внѣ оной, волочась за трактирными промыслами, многократное искушеніе и посмѣшество принялъ. Того преподобнаго одинъ толко разъ тѣ вра*

и, обманувши, привѣтствовали: «нашъ еси, Исаакій, да восплящешь съ нами», а мнѣ трактирные торжественники многократно тѣмъ примѣромъ и прочими соблазнами посмѣялись. Нѣтъ тамъ славословія, ни святой Троицы, ни святымъ, но безпрестанной тріумфъ проклятымъ славится. Тамъ денно и нощно оная богоненавистная Троица: веселой Бахусъ, гремящей Юпитеръ и забавная Венера. И что можно найти для монаха безчинѣе, какъ такое трактироправительство, въ какомъ я состояніи подъ именемъ святого послушанія, посланъ будучи на сіе отъ первостатейной святой обители? Скыдно по истинѣ честнымъ людямъ о семъ и говорить, да не можно жъ и утаить такой трагедіи, которая представлена была во мнѣ на позоръ и ангеломъ и человѣкомъ, а потому и за особливой долгъ я почитаю донесть о семъ Святой лаврѣ, какъ духовной моей прздводительницѣ, да вѣдаетъ Святая лавра, какое въ трактирахъ и биліардахъ благочиніе, и какая тамъ для обители слава, и какая командующимъ трактирами монахамъ почесть,—и да сохранитъ прочее сыны своя отъ такого преступнаго позора! За симъ моимъ аккуратнымъ о трактирной должности рацеемъ не остаюсь я по трактирному послушанію должнымъ ни Святой лаврѣ, ни стороннымъ кредиторамъ».

(Далѣе Епифаній заявляетъ, что не онъ въ долгу у лавры, а она у него за разные его расходы во время управленія его трактиромъ, — и этотъ долгъ просить возвратить).

Еще одна небольшая выдержка. Сказавъ, что разсчетъ произведенъ имъ, Епифаніемъ, „по правдѣ“, — онъ подчеркиваетъ, что при этой правдѣ «однакожъ не преминулъ еще сохранить ту скромность, что не изъяснилъ внутренніе лаврскіе презентальные расходы, свидѣтельствуя тѣмъ мое почтеніе Святой лаврѣ, какъ благонадежной въ Дусѣ святомъ наставницѣ, въ которую пришелъ я быть монахомъ, а не трактирщикомъ, какъ извѣстно о томъ и Святѣйшему Синоду и Правительствующему Сенату“.

Не думаемъ, чтобы это разсчетное доношеніе «слога Іереміи» свидѣтельствовало о немъ, какъ объ аскетѣ, искавшемъ въ монастырѣ «уединенія отъ мірскихъ заботъ», стремившемся «къ чисто духовной жизни и дѣятельности». По нашему мнѣнію, оно свидѣтельствуетъ, что это былъ человѣкъ большого житейскаго опыта, ловкій, острый на языкъ, умѣющій наносить своимъ противникамъ искусные удары, но едва ли склонный къ монашескимъ подвигамъ.

Еще одно небольшое замѣчаніе.

Упомянувъ о многочисленности судебныхъ процессовъ, которые вели монастыри изъ-за земельныхъ угодій, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Нѣкоторые монастыри доходили въ своихъ спорахъ *до курьезовъ:* архимандритъ, переведенный въ другой монастырь, поднималъ дѣло противъ того монастыря, изъ котораго только что ушелъ» (стр. 263).

Что монастыри въ своемъ стремленіи къ сутяжничеству весьма и весьма часто переступали черту благоразумія—это совершенно вѣрно.

Но въ указанномъ о. Шпачинскимъ примѣрѣ нѣтъ ничего удивительнаго, а тѣмъ болѣе курьезнаго. Споры вели монастыри, *какъ учрежденія*, а не единолично ихъ настоятели. Послѣдніе должны были продолжать, а иногда и вчинять споры и *вопреки своему желанію* по настоянію братіи. Такіе случаи намъ извѣстны.

Въ VI главѣ (стр. 292—398) трактуется *о приходскомъ духовенствѣ Кіевской епархіи.*

Глава эта принадлежитъ къ числу лучшихъ. Хотя авторъ имѣлъ хорошихъ предшественниковъ, занимавшихся означеннымъ предметомъ (между прочимъ, упомянутаго Е. М. Крыжановскаго; имѣемъ въ виду его «Очерки быта южнорусскаго сельскаго духовенства»); но много привнесъ и новыхъ свѣдѣній. Недостаточно выяснено только отношеніе нѣкоторыхъ распоряженій митрополита Арсенія Могилянскаго къ однороднымъ распоряженіямъ его знаменитаго предшественника Рафаила Заборовскаго, съ дѣятельностію котораго о. Шпачинскій, видимо, освѣдомленъ слабовато.

Въ VII главѣ ведутся рѣчи о школахъ Кіевской епархіи. преимущественно *о Кіевской академіи.* О. Шпачинскій, составляя свой очеркъ о кіевскихъ школахъ, находился въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, чѣмъ его предшественники, такъ какъ имѣлъ подъ руками изданные проф. Н. И. Петровымъ «Акты и документы, относящіеся до исторіи Кіевской академіи», которыми много и пользовался, хотя нужно замѣтить, что изданіе г. Петрова особенною полнотою не отличается, что, повидимому, сознаетъ и самъ издатель.

Отмѣтимъ здѣсь одно недоразумѣніе нашего автора, происшедшее отъ неимѣнія у него подъ руками фактическихъ данныхъ.

На стр. 418—419 онъ даетъ понять, что преподаваніе французскаго языка въ Кіевской академіи поставлено было на подобающую высоту *съ 1769 года*, когда «Самуилъ Миславскій, бывшій въ то время епископомъ Бѣлгородскимъ, и Амвросій, архіепископъ Московскій, ревнуя о славѣ родной академіи, нашли француза Маргариту-де-Земляру и на свой счетъ отправили въ Кіевскую академію для преподаванія французскаго языка». Все это такъ. Но слѣдуетъ отмѣтить, что означенный преподаватель *вскорѣ по пріѣздѣ въ Кіевъ скончался.*

У меня имѣется въ того-временной копіи «росписаніе», составленное въ Кіевской академіи, «кому въ какой именно школѣ быть учителемъ, также кому большую и малую инструкцію преподавать сего 1769 года сентября отъ 1 числа по 15 число іюля 1770 года». По этому росписанію, между прочимъ, предположено было,—что митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ и утверждено,—преподавать «*въ французской школѣ Василію Ступницкому по прежнему*». Но въ той же копіи противъ имени означеннаго преподавателя находится такая замѣтка:

«Сей Numerus выбылъ изъ академіи, *а присланный изъ Москвы представился*» [1]).

VIII глава—самая небольшая въ изслѣдованіи (занимаетъ менѣе печатнаго листа, стр. 468—480); вмѣстѣ съ тѣмъ она есть и самая слабая. Она посвящена очерку *Кіево-Софійскаго каѳедральнаго монастыря* и представляетъ собою клочки разныхъ свѣдѣній о духовномъ соборѣ *монастыря*. очередномъ проповѣдываніи слова Божія, о починкахъ и постройкахъ *монастырскихъ*, объ обновленіи ризницы, штатѣ монастыря и т. п.

Между тѣмъ глава эта могла бы быть наполнена очень цѣнными свѣдѣніями.

Иллюстрируемъ сказанное примѣрами.

При каѳедрѣ велись (отчасти доселѣ сохранившіяся) вѣдомости о монашествующихъ при *Кіево-Софійскомъ монастырѣ*, причемъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ сообщались довольно обстоятельныя біографическія свѣдѣнія. Такъ какъ означенный монастырь въ разсматриваемое время имѣлъ важное значеніе и для многихъ монашествующихъ въ немъ былъ переходною ступенью къ высшимъ почестямъ, то понятное дѣло, какую важность имѣютъ означенныя вѣдомости, изъ коихъ только и можно иногда почерпать біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ исторіи лицахъ.

Для образца приведемъ двѣ выдержки изъ вѣдомости за 1763—1767 года, притомъ разнороднаго содержанія.

1) «Іеромонахъ Іустъ Левѣцкій, уроженецъ Кіевскій, мірское имя ему было (пробѣлъ). Обучался въ Кіевской академіи по богословію, потомъ, обучась богословію три года, позванъ былъ 1756 года, марта 24 дня, въ Смоленскъ на учительство, гдѣ будучи чрезъ годъ учителемъ фары, черезъ три годы инфими, и грамматики черезъ два года, между тѣмъ исправлялъ и должность проповѣдническую. А прибывъ въ Смоленскъ, по прошествіи 6 мѣсяцей, того же 1756 года, августа 26 д., въ учительскомъ Аврамієвскомъ Смоленскомъ монастырѣ постриженъ въ монахи архимандритомъ и ректоромъ Варлаамомъ Іовнѣцкимъ (пробѣлъ) въ 1761 г. въ іеродіакона, а 20 сентября 1761 въ Кіево-Софійскомъ каѳедральномъ монастырѣ на обѣщаніе прибылъ; въ ноябрѣ того же года рукоположенъ въ іеромонаха, и бывъ въ Сѣчи, за испрошеніемъ милостыни на Кіево-Кириловскій монастырь, 1766 года октября 30 д. умре».

---

[1]) Выше мы сказали, что Арсеній Могилянскій любилъ писать краснорѣчивыя резолюціи; добавимъ, что къ краснорѣчію онъ прибѣгалъ иногда и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ томъ особенной надобности и не представлялось. Такъ на означенномъ росписаніи положена была имъ слѣдующая резолюція: „1769 года октября 22. По сему росписанію назначеннымъ трудъ свой *благопоспѣшно да пособствуетъ, исчитаяй множество звѣздъ и всѣмъ имъ имена нарицаяй*„.

2) „Іеромонахъ Рафаилъ былъ шафаремъ архіерейскимъ, потомъ консисторскимъ писцомъ, потомъ ѣздилъ испрашивать на консисторію, и мая 19 д 1763 года отправленъ онъ былъ въ Сѣчь за испрошеніемъ милостины и оной испросилъ денгами 1275 руб. 73 коп., да червонцевъ 14, воловъ 7, коней 22, воску пудовъ 9, соли четверекъ 5, поясъ персицкій златоглавный.... возвратился 12 августа 1765 года".

Укажемъ другое и для нашего автора еще болѣе важное.

За время, какъ разъ изслѣдуемое о. Шпачинскимъ, екклесіархомъ въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ былъ іеромонахъ Савва, родомъ изъ Великороссіи. Онъ началъ вводить нѣкоторые порядки при богослуженіи, неправившіеся монашествующимъ малороссамъ, которые обратились съ жалобою по этому поводу къ митрополиту Арсенію Могилянскому, изобразивъ эти нововведенные Саввою порядки въ 13 пунктахъ [1]). Началось дѣло.

Понятно безъ объясненій, какъ важны были бы эти свѣдѣнія для трактаціи въ разсматриваемой главѣ.

Въ IX главѣ (стр. 481—552) авторъ трактуетъ объ участіи Кіевскаго духовенства при изготовленіи пунктовъ для извѣстной Комиссіи Уложенія, что даетъ ему возможность выяснить положеніе малороссійскаго духовенства и тѣ чаянія, которыя оно возлагало на означенную Комиссію. Глава толково составлена на основаніи общеизвѣстныхъ пособій и источниковъ.

Въ послѣдней X главѣ (стр. 557—657) дается очеркъ заграничныхъ монастырей, входившихъ въ составъ Кіевской митрополіи (находившихся подъ вѣдѣніемъ Кіевскаго митрополита). Объ означенныхъ монастыряхъ существуетъ спеціальное изслѣдованіе профессора о. Титова, впрочемъ болѣе характера повѣствовательно-панегирическаго, чѣмъ научнаго. Но профессоромъ Титовымъ приложено къ своему изслѣдованію много документовъ. Этими документами, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ новыхъ, самимъ о. Шпачинскимъ собранныхъ, онъ и пользовался при составленіи своего очерка, который во всякомъ случаѣ превосходитъ по достоинствамъ изслѣдованіе упомянутаго профессора.

---

[1]) Приводимъ пунктъ 7, гдѣ жалующіеся просятъ: «Въ воскресніе и праздничніе дни, когда поліелей бываетъ, врата или Царскія двери на славословіе великое отворять по прежнему, какъ и во всѣхъ здѣшнихъ церквахъ благочестно тое водится и никѣмъ того обычая не отставлено; а хотябъ гдѣ, найпаче въ великороссійскихъ церквахъ, того какъ и протчаго обычая не было, то ино и тамо своихъ обычаевъ не премѣняютъ для того, что и въ греческихъ церквахъ на славословіе великое врата отворяются, и въ здѣшней единой церквѣ того переменять на соблазнъ людемъ не должно; якожъ и отъ свитка Освященнѣйшаго собора о исправленіи служебника напечатаннаго видно, что и въ греческихъ церквахъ не вездѣ по всему обряди церковніе и устави единогласни, но и донинѣ всякія страны церковь по обычаю своему чини утверждаетъ и въ совершенство возводитъ; и что и наша православно россійская церковь отъ многихъ преводовъ единъ хотящи совершенній сотворити, не весма своей страны чинъ и обычай отставляетъ, паче же любезно благолѣпная содержитъ»

Сочиненіе заканчивается небольшимъ заключеніемъ, гдѣ говорится о болѣзни, кончинѣ и погребеніи митрополита Арсенія Могилянскаго, затѣмъ отмѣчаются черты личнаго его характера и дѣлается краткій перечень его литературныхъ трудовъ.

Характеристика Арсенія Могилянскаго, дѣлаемая авторомъ, не можетъ удовлетворить самымъ скромнымъ требованіямъ: она блѣдна, шаблонна, наполнена общими фразами, подкрѣпляемыми искусственнымъ подборомъ фактовъ,—и во всякомъ случаѣ односторонняя.

Это зависѣло, во первыхъ, отъ того, что авторъ, повидимому, не имѣетъ общаго представленія о положеніи архіереевъ въ XVIII вѣкѣ, что, при оцѣнкѣ дѣятельности того или иного іерарха разсматриваемаго времени, должно быть поставлено *во главу* угла; а во вторыхъ, имъ игнорированы, а можетъ быть остались неизвѣстными нѣкоторые факты изъ жизни Арсенія Могилянскаго, которые не могутъ быть упускаемы изъ вида при общей оцѣнкѣ дѣятельности этого, во всякомъ случаѣ незауряднаго іерарха.

Что касается до *общаго взгляда* на положеніе іерархіи XVIII в., то при этомъ нужно имѣть въ виду, что разсадникомъ архіереевъ XVIII в. было *ученое* монашество. Въ этомъ существенное отличіе архіереевъ сего вѣка отъ предшествующаго. Дорогу къ архіерейству пролагало теперь не благочестіе, не искусное служеніе, не даръ чудесъ, какъ прежде, а именно образованіе съ извѣстнымъ оттѣнкомъ и таланты проповѣдническіе. *А такъ какъ аттрибуты монашества и ученость не имѣютъ логической связи между собою, то соединеніе ихъ въ одномъ лицѣ было насильственное, навѣянное или внѣшнимъ давленіемъ, или собственнымъ честолюбіемъ,—и почти всегда въ ущербъ тому или другому:* или ученость подавлялась развивавшимся фанатизмомъ,—или—что чаще—монашескіе обѣты и даже вообще *моральные принципы* падали жертвою quasi научнаго либерализма. Это первое. А затѣмъ, нужно имѣть въ виду охлажденіе въ разсматриваемое время къ религіи, а главное *перевѣсъ государства надъ церковію.* Послѣднее было причиною того, что *пассивная сторона архіерейской жизни преобладала надъ активною:* архіерей въ области правительственныхъ мѣропріятій могъ быть активенъ въ той мѣрѣ, насколько онъ сочувствовалъ правительству (или поскольку оно къ нему было расположено); въ противномъ случаѣ онъ былъ мученикомъ. Высшая мудрость архіерея XVIII вѣка заключалась въ томъ, чтобы найти середину между ренегатствомъ и мученичествомъ. (Къ этому идеалу наиболѣе подходилъ Гавріилъ Петровъ). *Такимъ образомъ балансированіе между указанными крайностями составляло задачу архіерейства XVIII столѣтія.* Разумѣется, это не мѣшало разнообразію архіерейскихъ типовъ. Были архіереи *либералы,* притомъ разныхъ оттѣнковъ: либералы—ренегаты (Ѳеодосій Яновскій), либералы—ученые (Ѳеофанъ Прокоповичъ), либералы—филантропы (Іовъ Новгородскій), либералы—хлыщи (Кириллъ Сѣвскій), либералы—homines novi (Гедеонъ Криновскій). Были архіереи и *реакціонеры* и тоже разныхъ

оттѣнковъ: реакціонеры фанатики (Арсеній Мацѣевичъ), реакціонеры—ворчуны (митрополитъ Платонъ Левшинъ съ 1775 г.), реакціонеры самодуры въ кругу своихъ подвластныхъ (Пахомій Симанскій).

Что касается до Арсенія Могилянскаго, то для оцѣнки его дѣятельности и вообще для его характеристики имѣютъ значеніе въ очень большемъ количествѣ сохранившіяся письма его къ разнымъ лицамъ. Правда, письма эти зачастую имѣютъ значеніе какъ бы оффиціальныхъ документовъ; но цѣнны собственноручныя приписки къ нимъ Арсенія. Притомъ нѣкоторые и изъ оффиціальныхъ писемъ даютъ достаточно матеріала для указанной нами цѣли. Для примѣра укажемъ на письмо Арсенія Могилянскаго къ Веніамину Пуцекъ-Григоровичу, архіепископу Казанскому и Свіяжскому, отъ 15 декабря 1764 года, помѣченное № 705 (слѣдовательно оффиціальное). Въ письмѣ этомъ идетъ рѣчь о Досиѳеѣ Галяховскомъ, бывшемъ архимандритѣ Слуцкомъ. Уволенный отъ архимандріи (19 февраля 1763 года) Досиѳей пребывалъ въ Кіевѣ. Здѣсь вскорѣ возникло дѣло по обвиненію его въ соблазнительныхъ поступкахъ, которые были таковы, что Арсеній Могилянскій вынужденъ былъ *воспретить ему священнослуженіе до рѣшенія дѣла*. Досиѳей обращается съ просьбою къ своему родственнику Веніамину, архіепископу Казанскому. Тотъ совѣтуетъ Досиѳею просить кіевскаго митрополита отпустить его къ нему въ Казань. Согласно этой просьбы Арсеній Могилянскій даетъ отпускъ Досиѳею и приказываетъ ему по пріѣздѣ въ Казань доложить, какіе на него были доносы „и открыть, какъ что на него въ самомъ дѣлѣ было, или же что инако, или вовся не было, по самой истинѣ“; что же касается до разрѣшенія его въ священнодѣйствіи, то это предоставляется на волю и благоусмотрѣніе казанскаго преосвященнаго. *Одновременно съ симъ дѣло о Досиѳеѣ въ Кіевской консисторіи прекращается*. По казанскій преосвященный пожелалъ имѣть *письменное* заявленіе отъ кіевскаго митрополита о разрѣшеніи Досиѳею священнодѣйствія. Послѣдній вновь обращается къ Арсенію Могилянскому съ просьбою, въ отвѣтъ на которую и послѣдовало упомянутое письмо Арсенія архіепископу Казанскому.—Считаемъ достаточнымъ привести только конечную часть этого, довольно обширнаго письма.

„Какъ въ прежнемъ моемъ опредѣленіи заключено (оффиціально извѣщалъ Арсеній), такъ особливо чрезъ сіе къ вашему преосвященству съ тѣмъ же отзываюсь: по данной вашему преосвященству отъ Бога власти рѣшити и вязати, о устроеніи къ его архимандрита священной ползѣ предаю все имъ архимандритомъ открытое, и о священнослуженіи его, въ благоразсмотреніе, волю и власть вашего преосвященства,—съ тѣмъ къ прежнему моему опредѣленію прибавленіемъ, что, по разсужденію моему, хотя онъ архимандритъ въ чемъ, по доносу на него, и погрѣшилъ, яко человѣкъ, по дѣлу же производившемуся въ консисторіи моей, *за нѣкоторыми препятствующими обстоятельствами*, въ томъ не изобличенъ; однакъ понеже въ епархіи ва-

шего преосвященства, за немалымъ ея разстояніемъ отъ здѣшней, уповательно, о томъ доносѣ на него ничего неизвѣстно, почему и соблазна никакого съ того непослѣдованного дѣла въ епархіи вашего преосвященства произойтить не можетъ, то когда онъ, архимандритъ, исповѣсть духовно предъ вашимъ преосвященствомъ, свое поползновеніе и въ томъ истинное покаяніе принесетъ, можно ему архимандриту, снисходя человѣческой слабости, позволить тамъ священнослуженіе имѣть. *Се же есть мое скудоумное о семъ разсужденіе, а ваше преосвященство имѣете свое, Богомъ дарованное*".

Отецъ Шпачинскій не разъ подчеркиваетъ строгую законность, соблюдаемую Арсеніемъ Могилянскимъ. Не споримъ. Но позволимъ себѣ поставить вопросъ: не облекалась ли иногда эта законность въ дипломатическую формy и не напоминала ли нѣчто, именуемое *балансированіемъ?*

Изъ собственноручныхъ писемъ Арсенія Могилянскаго отмѣтимъ благодарственное его письмо къ игумену Антонію Почекѣ (тоже намъ достаточно извѣстному по доношеніямъ на него остраго характера) *за присылку ему въ подарокъ цуга лошадей* (и, если не ошибаюсь, кареты; не помню).

Къ сочиненію отца Шпачинскаго приложено нѣсколько документовъ; къ сожалѣнію, немного, всего *одинадцать*. Разсматриваемое имъ время столь обильно документальными данными, что изъ нихъ можно было сдѣлать очень большой и цѣнный подборъ. А какое значеніе имѣло бы такое изданіе, понятно безъ объясненій.—Что касается до приложенныхъ нашимъ авторомъ документовъ, то они изданы довольно удовлетворительно, хотя и видно, что въ этомъ дѣлѣ авторъ новичекъ (читаетъ іа вмѣсто я, кисалсія вмѣсто кисялся, Еіа jmbba вмѣсто *Ея Императорскго Величества* и т. п.; но сіе не суть важно.

Общее наше мнѣніе о книгѣ о. Шпачинскаго высказано нами выше (въ началѣ рецензіи). Не смотря на указанные недостатки, благодаря своей широкой документальности и вообще своду данныхъ, она представляетъ явленіе очень желательное. Ученость автора скромная, но достаточно фундаментальная.

По моему мнѣнію, многолѣтній трудъ автора награжденія премію заслуживаетъ.

Профессоръ С. Голубевъ.